

ТАМАРА ЛОМБИНА

СВЕТЛЫЕ КЛЮЧИ

РАССКАЗ

День не задался. Кроме неприятного разговора с отцом жены, у Семёна неожиданно были перенесены переговоры с представителем зарубежной фирмы.

— Ненавижу, — пронеслась привычная мысль, когда он вспомнил разговор с тестем.

Да, он ненавидел человека, которого ещё недавно боготворил.

Это было совсем недавно. Почему всё так изменилось, что он сделал не так, где прокололся?

Вначале всё было, как в сказке: к ним в университет на конференцию приехал из Москвы нефтяной магнат... Ему были нужны надёжные парни из глубинки, молодая кровь. Как всегда, Семён был в нужном месте в нужный час, и весельчак декан хлопнул парня по плечу:

— А вот тебе надёжный парень, умный, хохмач, с ним не соскучишься, и уже предзащитился. Я бы и сам не отказался от твоего предложения, но я

ЛОМБИНА Тамара Николаевна родилась в г. Эмба Актюбинской области в Казахстане. Окончила филологический факультет Актюбинского педагогического института (по специальности русский язык и литература) и библиотечный факультет Ленинградского института культуры. Кандидат психологических наук. Публиковалась в журналах "Север", "Нижний Новгород", "Мир женщины", "Наш современник", "Роман-журнал XXI век", "Мурзилка", "Детская литература", "Костёр", "Дружба народов", "АРТ" и других. Автор 14 книг. Дипломант Всероссийского конкурса на лучшую книгу для детей "Наш огромный мир", дипломант IV Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы имени А. Н. Толстого, лауреат Международной литературной премии им. Петра Ершова в номинации "Лучшая сказка". Член Союза писателей России. Живёт в Сыктывкаре.

безнадёжный провинциал, прикипевший к своему городу, да тебе такие вот молодые орлы нужны, а не мы, буквоеды...

Судьба Семёна сделала подарок неожиданный-негаданный, и он, посоветовавшись с родителями, отправился в Москву. Вот так легко и просто — из Томска в самую матушку Москву.

Почему-то так отчётливо вспомнилось, как он оторопел, когда новый шеф Алексей Петрович не отправил его в общежитие или в гостиницу, а привёз к себе домой, к той самой высотке на набережной прямо у метро.

— Отдохнёшь с дорожки, — добродушно басил он, — а уж потом подумаем, куда тебя пристроить.

Семён чувствовал себя Золушкой на балу — сейчас пробьют часы, и его сказка развееется, как дым.

Петрович не стал открывать дверь сам, а набрал код домофона. Экран засветился, и радостный молодой голос защебетал:

— Папусик вернулся, папусенька...

— Ты, давай, иди красоту наводи, а то я не один... принца тебе привёз...

Отчего у него тогда так защемило сердце? Нет, это не было приятное предчувствие, а скорее, наоборот, очень ему не понравился этот “принц”, ведь там, дома, его ждала Лиза...

Странно, что он вспомнил о ней. Сердце сжалось, а потом заколотилось, как в юности, когда он думал о ней. Опять проснулась в нём знакомая боль. Но ведь он давным-давно вырезал из памяти её облик, её глаза, её смех, её голос...

А сегодня утром Семён достал из почтового ящика конверт, сделанный ещё при царе косаре. Родители не умели и не любили звонить, они писали ему письма из своих Светлых Ключей. Всегда, получая письмо в конверте из страны, которой уже давным-давно нет, он обычно перезванивал им и выговаривал, что пора освоить телефон и не тратить времени на написание писем. Ведь не мог же он им сказать, что жена его любила “для смеха” почитать вслух неловкие, неграмотные, но такие родные и знакомые слова.

Привычное раздражение охватило его, когда он увидел почерк отца, — его письма особенно нравилось читать жене. Он поймал себя на мысли, что никогда не вспоминает и не называет имени жены, он и думает о ней и зовёт её “жена”.

“Доброго здоровичка, сынок! Пишем тебе письмо, уж не больно мы большие любители звонить по твоему телефону. Так уж мы по старинке...

Ты у нас вона какой уже большой и умный — сына уже ждёшь, а мы с мамкой стали плохие работники-помощники.

Уж и так, и эдак думали-кумекали, как тебе помочь, ну, и надумали... А продадим-ка мы наш дом, а сами перейдём к тётке твоей Галине. А на наш дом покупатели найдутся. А как же, он у нас ещё постоит, дом-то наш. Дачники могут большие деньги дать, это уж как пить дать, не меньше 250, а то и все 300 тыщ.

Сынок, ты пишешь, что хочешь забрать мамку в няньки. Да уж какая она теперь нянька... Вот если только мы друг друга сейчас нянькаем, а взять такого горя, как разлука, — так нам и не снести его. Мы вот теперь сядем вечером двойко, глядим друг на дружку и наглядеться не можем, и плачем, как вспомним, что маме надо уезжать, и надышаться друг на друга не можем, верное слово, сынок...

Ты уж не распарывай нас Христа ради, мальчик мой, нам сейчас каждый день привёз его к себе домой — Богом данный... Коли разрезать нас, как яблоко, пополам, завянем мы оба-два... А после твоего звонка мамка даже приболела, хотя мы и обрадовались тому, что у вас будет сын... Да и пора уж тебе настоящим отцом становиться... Вот когда возьмёшь на руки своего-то, так тогда и нас поймёшь, как мы по тебе скучали-тосковали, а главное, поймёшь, каково это — прожить с женой столь, сколь мы прожили... Скоро уж сорок лет будет... а как один день.

А знаешь что, ты лучше нам Лилию на свежий воздух привези, тута и молочко, и овощи свои. Мы вдвоём с мамкой сношку побережём, знаешь, как она расцветёт у нас на маминых харчах да на свежем воздухе, на колодез-

ной водичке... Помнишь наши светлые ключи, сына? Станет она у нас, как яблочко, румяная, поправится, на человека станет похожа.

Да, поздравляем тебя с тем, что у вас теперь своя двухкомнатная квартира. Мы-то с мамкой за ширмой жили у моих родителей, как поженились... и ничо — уж как счастливы были...”

Семён раздражённо скомкал письмо и сунул его в карман пиджака. Неожиданно испепеляющая злость вскипела в нём: живут там в своих Светлых Ключах в своё удовольствие и знать не знают, что у него тут всё не то и не так. А этот самодур тесть отделил ему часть бизнеса, офис чуть ли не на окраине Москвы купил. А для беременной дочери халупу двухкомнатную купил. Ну, не получилась у Семёна сделка, всё с самого начала не так пошло, а после той неудачной сделки тесть просто озверел, дотошно проверил всё до мелочей, кричал, что он просто олух царя небесного, что небрежности в таких делах быть не должно, и стал, как гриф, следить за его работой. Кому понравится жить под микроскопом? Потом эта демонстрация с выселением их из центра к чёрту на кулички. Да уж, если бы хоть купил эту халабуду, а то заставил оформить ипотеку. Вот гад!!! Кто в жизни не делает ошибок... Он сам святой, что ли...

А ведь тогда могла бы такая пруха получиться с той сделкой, так Петрович сам же, чистоплюй, влез и всё испортил.

Раздражение на тестя неожиданно переключилось опять на родителей. Издеваются они, что ли, триста тысяч... да этих денег не хватит на полгода, чтобы заплатить няньке.

— Все, хватит цацкаться с ними. Надо позвонить, чтобы отец переезжал к своей сестре, уж она-то как-нибудь на двоих щей сварит... А мать надо забирать и не сюсюкаться. Если на корову и прочую живность сил хватает, то и с малышом справится, меня же вырастила, — подумал он, успокаиваясь.

Семён прибрал бумаги на столе и неожиданно — уже давно такого с ним не было, — в памяти всплыло лицо Лизы.

— Это, видимо, дурацкое письмо отца, — пробормотал он, потряхнув головой, но лицо не исчезало.

Её, как всегда, лучистые и немного грустные глаза не отпускали его. Сердце опять заколотилось, и в ушах загудела кровь.

Откуда выплыла она к нему из прошлого? Зачем? Давно забытая, смешная и трогательная девочка, от которой у того мальчика от одного взгляда на неё за спиной крылья вырастали. Тот мальчик тоже исчез, испарился, “как дым, как утренний туман”, туда, в прошлое, во всяком случае, в сегодняшнем Семёне его давным-давно уже нет...

— Ты где, Сенька-Везенька? — так отчётливо услышал он её голос, что даже вздрогнул и оглянулся. Откуда эта блажь? Как странно, почему он не вспоминал её, почему его память стёрла всё, что было? А как всё было чисто, светло и даже как-то сладко-терпко. Да, а где, интересно, она сейчас? Что с ней? Почему его подсознание до сих пор прятало от него эту лучшую часть его жизни?

Как же он столько лет ни разу не вспоминал о ней? Почему? Почему?

Звонок телефона словно разбудил Семёна. Во всяком случае, недавний морок исчез, улетучился; холодный и прагматичный бизнесмен проснулся в нём.

— Да, я вас слушаю, — приветливо и мягко ответил он на голос, который уж и не чаял услышать. — Очень рад, что вы мне позвонили... рад.

— Мне интересно ваше предложение, — коротко и деловито ответил голос из трубки.

Семён подержал в меру небольшую паузу и сказал, сняв с лица самодовольную улыбку,

— Назначайте встречу... в любое время. Я к вашим услугам...

“Ну, ты меня ещё попомнишь”, — как всегда пригрозил он ненавистному тестю.

Почему-то не хотелось ехать домой. Как всегда, жена начнёт ныть, что она сидит одна здесь в заточении...

Начнёт причитать, что её дивная фигура с каждым днём становится всё ужаснее и ужаснее, что на копейки, на которые они сейчас влачат жалкое существование, жить просто стыдно. Потом она непременно припомнит, что в такой конуре только мигрантам впору жить... и ещё столько всякой ерунды, от которой у Семёна начинала болеть голова. Впервые крамольная мысль о том, что жена ему совсем чужой человек, пролетела, оставив холодный след в душе. Семёна даже передернуло, и он решил поехать в ресторан и выпить, а по большому счёту, тупо напиться бы, как тогда, когда тесть сделал ему предложение жениться на его дочери. Да-да, именно он подошёл к нему, взял за плечи и, глядя в глаза, спросил: “Я надеюсь, что ты у нас не навсегда поселился, я тебя, пока ты приглядывался к невесте, пригrel, но ведь не хлебушком же навсегда оставил”. Лучше бы он отхлестал его по щекам или даже заехал в зубы. Никто и никогда так его не унижал и не попрекал куском хлеба. Он к ним не напрашивался. Тесть сам его уговаривал, чтобы Семён пожил у них, пока не войдёт в курс всех дел...

И ведь так всё и было: каждый вечер они засиживались над бумагами, а будущая тётка потом звала их за сказочный стол. Она же доставала билеты на самые модные спектакли, буквально насильно вытаскивала их с дочерью куда-нибудь вместе.

Его мрачные мысли прервал телефонный звонок. Высокий девичий голосок прощепетал: “Завтра в четырнадцать двадцать вас ждёт Сергей Иванович, пропуск будет внизу...” Сердце Семёна отмякло, смешным показалась его зло на тестя. Опять раздался звонок телефона, и Семён с игривой ласковостью ответил: “Что ещё ты забыла сказать мне, красавица...” В трубке слышалось тяжёлое дыхание, кто-то всхлипнул...

“Опять эта дура будет истерить”, — вздохнул Семён, но радость предстоящей сделки смягчила его сердце, и он миролюбиво проговорил жене: “Ну, что ещё у нас случилось, Зая моя?”

Незнакомый старческий голос после приглушённого рыдания произнёс: “Племяннушка мой дорогой, крепись, сыночек, твоя тётка Галя не с доброй вестью к тебе: ушёл папка твой, детка, покинул нас”.

Семён просто озверел от глупейшего известия. Они что, все издеваются над ним? Куда-куда он ушёл? Неужели нашёл себе бабу помоложе мамки, вот старый... а тоже мне: “оба-два, оба-три”.

— Тетя Галя, скажите ему, что я приеду и покажу ему, где его место. К кому он там мог уйти, к дачнице какой-нибудь? Я проведу переговоры и приеду, разберусь с вашим бермудским треугольником.

На противоположном конце всё стихло, и Семён облегчённо вздохнул.

— Скажи мамке, что я дня через три приеду и наведу там порядок в ваших страстях-мордастях. Тётка Галь, а к кому это он там ушёл? — уже даже игриво спросил он.

— Ко Господу, сыночек, ко Господу, — выдохнула тётка.

— Что-что, — всё ещё улыбаясь, переспросил Семён, — к какому ещё Господу?

— Тебе, сынок, сегодня вылетать надо. Мать совсем не в себе, от меня тоже толку мало. Надо похороны готовить, сынок.

Холодный пот прошиб Семёна. Какие похороны, у него завтра сделка всей его жизни, от неё зависит его будущее...

— Приезжай, сынок, Богом молю, я от матери не могу отойти, а всё надо по-людски справиться, Сеня, — давась слезами, едва выговорила тётка, — приезжай...

“А может, всё и к лучшему, — промелькнула мысль, от которой ему самому стало не по себе. — А что? Теперь матери некуда деваться. Вот только как быть с завтрашними переговорами, я же сам сказал, что в любое время...”

Отбой словно разбудил Семёна. Он набрал заветный номер телефона и даже вздрогнул, когда после первого же гудка по-деловому жёсткий голос ответил: “Что вам ещё непонятно? Я сказал всё, что хотел...” Семён начал было говорить, что у него чрезвычайная ситуация, на что из трубки ему отрезали, что только завтра подробности этого проекта возможно будет согласовать с инвесторами из-за рубежа...

На попытку Семёна перенести встречу голос ещё более жёстко отрезал: “Мы с вами не в бирюльки играем. Да, запомните, что меня не интересуют ваши личные трудности”. В трубке раздался оглушительный отбой.

Тут только Семён почувствовал, что он стоит навтыяжку и так сжимает трубку телефона, что рука онемела, ноги его подломились и бессильные злые слёзы покатались по сведённому судорогой лицу.

У других людей родители, как родители, а здесь — всё не слава Богу...

Вопреки своей пунктуальности, Семён сгрёб все бумаги со стола и комом бросил их в портфель. Захотелось напиться вдрызг, до потери сознания, тем более что его мозг, словно издеваясь над ним, опять с пугающей чёткостью, как вспышкой из далёкого прошлого, осветил его смутную душу улыбкой Лизы.

Стало больно в груди, так больно, что впору самому ложись и умирай вслед за отцом. Жалко было себя до слёз. Чем он хуже этих самодовольных папенькиных сынков? Голова разламывалась, жить не хотелось. Он чувствовал себя загнанным в угол беспомощным зверьком, которому никто не может помочь, у которого нет надёжного тыла, нет ничего, за что можно было бы зацепиться, за кого можно было бы спрятаться. Семён решил, что с отцом уже хуже, чем есть, не будет, поэтому надо спасать себя самого... Ему как-то сразу стало легче. Завтра он провернёт такую комбинацию, что тесть долго будет распутывать её, да и вряд ли распутает.

Семён, даже не убрав всех бумаг со стола, чего он себе никогда не позволял, закрыл кабинет. Он отправился, пока и не думая куда, но точно зная, что не домой. Уже с крыльца он открыл дверцу своего “Лексуса”. Ещё не так давно эта машина была гордостью Семёна, а сейчас он представил, как после завтрашней сделки бросит её на площадке перед домом тестя. От этой мысли ему вдруг стало так весело и свободно, что он сел в машину и помчался вперёд, да всё равно куда, главное, уехать от себя сегодняшнего, и — быстрее туда, в победоносное завтра.

По пути он вспомнил небольшой ресторан и небрежно бросил своего недавнего любимца на стоянке.

“Напиваться, конечно, нельзя, хотя очень хочется, но чуть-чуть расслабиться надо”, — разрешил себе Семён.

В зале ресторана было тепло, сумеречно и уютно. Оркестр играл что-то знакомое...

Семёна заботливо проводила за свободный столик очень милостивая девушка, которая вкрадчиво спросила, будет ли он один или ожидает даму. Он объяснил понятливой блондинке, что он хочет отдохнуть и расслабиться после очень трудного дня, а что касается того, один он или нет, выразительно посмотрел он в понимающие глаза прелестницы, — это уж как карта ляжет...

Семён попросил для начала графинчик с холодной водкой и самую лучшую закуску под неё. Было ясно, что молодой человек очень понравился собеседнице. Жена все-таки была права, утверждая, что его всегда и везде будут встречать по одежке. Вот и эта девица стала сама любезность после того, как просканировала его с ног до головы.

Семён сел за столик и обрадовался вовремя принесённой водке с закуской. После двух рюмок он почувствовал тепло и расслабление. Вдруг он услышал знакомую мелодию, от которой замерло сердце... Лиза! Опять её огромные глаза заглянули в его смятенную душу. Семён тогда впервые пригласил её на танец именно под голос Джо Дассена: “О, Елисейские поля”... Это было на выпускном вечере. Но, как ни странно, Семен налил ещё рюмку водки, чтобы быстрее избавиться и от этих воспоминаний — от них опять почему-то проринулась тревога.

Запиликал телефон, но Семён, не глядя на экран, отключил сигнал. Меньше всего ему хотелось сейчас объясняться с женой, слышать её голос. Да и вообще видеть её не хотелось. Уже автоматически Семён плеснул в рюмку ещё водки, и наконец-то пришло то, давно забытое ощущение полётной лёгкости.

К столику приблизилась прелестница-блондинка, она спросила Семёна, чего бы ему ещё хотелось вкусенького... И наклонилась, чтобы поправить

якобы сдвинувшуюся скатерть... Духи её были хороши, декольте её было ещё лучше, и он спросил, взяв её холёную ручку и приблизив её к губам: “А не хотелось бы вам продолжить наше знакомство в прекрасном закрытом клубе, несравненная? Мы уже так давно знаем друг друга, что уже пора познакомиться поближе...” Он показал ей циферблат швейцарских часов, которые ему подарили тесть и теща на свадьбе.

Девушка зарделась и сказала, что сможет отпроситься минут через двадцать...

Оставив лёгкий запах терпких духов, она упорхнула, приятно взволновав воображение Семёна. До её прихода графинчик как-то незаметно опустел.

Проснулся Семён на какой-то скамейке... в клетке. Голова нестерпимо болела. Рядом храпел бомж. Ошалело оглядывая клетку, Семён понял, что он в полиции. Он глянул было на часы, но их не было и в помине, благо в бок его врезался, судя по всему, телефон. “Спасибо и на том”, — подумалось ему. “Без двадцати шесть...” — взорвалось в его и без того больной голове... Что случилось? Как он оказался здесь? Что делать, как быть со сделкой?

— Бог мой, — возопил Семён, — за что мне всё это?

Бомж поднял грязную лохматую голову и очень доходчиво объяснил Семёну, что если тот не заткнётся, то вместо Бога ему сейчас объяснит дежурный полицейский, за что ему всё это...

В больной голове Семёна начали всплывать картинки из вчерашнего вечера. Они причудливо перемешивались, и Семёну даже стало страшно: может быть, у него что-то с памятью? Потом он наконец-то вспомнил, что был в ресторане. Он пил, да, и выпил не так уж мало. Потом он пригласил в ночной клуб блондинку, и она согласилась, черт её побери! Похоже, что нёсся он по проспекту со скоростью 180 км, а возможно, и больше... Девушка верещала и хватала его за руки, умоляя снизить скорость. Последняя же картинка, подброшенная ему воспоминанием, окончательно ошарашила его... Он пытался скрыться от полицейской машины, но, судя по храпу бомжа, делающего с ним сие жилище, ему этого сделать не удалось. Больше не вспоминалось ни-че-го...

Семён, как утопающий за соломинку, схватился за телефон. Бесчисленные звонки жены, звонок тёти Гали, Сергей Иванович!!! Зачем он ему звонил, что случилось? Что-то изменилось? Как это узнать?

Голова от безысходного ужаса начала проясняться... Семён вспомнил, что они с этой девицей в довершение ко всему побывали в отеле, что он по пути покупал шампанское и фрукты. Потом они пили ещё и в номере. Да, а потом он хватал за грудки постового и тряс его... Боже мой, что это было с ним? Весь последний московский период жизни он, как автомат, исполнял хорошо продуманную программу завоевания олимпа: свержения авторитета тестя, победы над ним. Это был первый и единственный момент, когда он сорвался во все тяжкие. Неужели провал?

Что бы такое придумать, чтобы тесть его вытащил отсюда? Да... похороны... как кстати. Тестю надо рассказать про смерть отца, чтобы тот помог ему выбраться отсюда, а уже потом можно будет как-то выкрутиться из этой дурацкой ситуации... Главное, чтобы ко времени сделки он был на свободе. Дрожащей рукой Семён набрал телефон тестя, его била дрожь, но он несколько раз вдохнул и нажал на дозвон.

“Лучше не готовиться, — подумалось ему, — интуиция поможет выкрутиться...”

— Ну, и где это ты? Какого хрена мы тут должны дёргаться? У тебя, если ты не в курсе, жена беременная всю ночь не спит, плачет, волнуется. Докладывай, что за фокусы? — пулемётной очередью выдал тесть.

— Просто одной неприятности не бывает, — уже твёрдым голосом парировал Семён, — у меня могут отобрать в любую секунду телефон. Я нахожусь в полиции, это рядом с домом вашего приятеля, в подчинении которого эта шарашка находится. Мне нужен билет на утренний рейс на самолёт. Да, если вы не в курсе, то у меня умер отец, мне нужно выйти отсюда немедленно, а поделиться с вами во всех подробностях моими злоключениями я смогу попозже, если вас это развлечёт. — Семён тут же нажал отбой;

обострившимся чутьём он понял, что всё сделал правильно: тесть не перезвонил, значит, он уже делает всё, чтобы Семён оказался на свободе.

Бомж опять сел и только было открыл рот, чтобы сказать пару ласковых нарушительно его такого редкого момента тепла и покоя, но, глянув на лицо сокамерника, он тут же захлопнул рот, повернулся набок и натянул капюшон на голову.

Семён проверил карманы в пиджаке, брюках, пальто и понял, что и документы, и портмоне вместе с часами исчезли. Странно, что телефон почему-то не нашли. Но ведь почти всегда Семён знал, что в некоторые моменты, на самой грани неминуемого краха к нему возвращалось его везение, как говорил его друг детства Федька — “пруха”, кто-то или что-то помогало ему.

К клетке подошёл дежурный и приказал: “На выход!”

Семен демонстративно не торопясь оделся и, поймав взгляд офицера, тихо приказал: “Часы!”

— Какие часы? — мрачно буркнул дежурный, но, встретившись взглядом с задержанным, ответил: — Как и положено, вам всё будет возвращено по описи.

Предположение Семёна оправдалось: водитель тестя уже ждал его. Он, протянув конверт и два пакета, спросил, не надо ли его отвезти в аэропорт. Семен поблагодарил и отказался. Освобождённый проверил документы, деньги, паспорт, дисконтные карты и не сумел скрыть улыбки, когда полицейский положил на стол и часы. Но настал, наконец, и его черед сделать ответный ход. Офицер, не скрывая улыбки, подал Семёну бумажку: “Вашу машину найдёте по этому адресу. Но, судя по всему, вы вряд ли сможете на ней в ближайшее время ездить”. Семён заглянул в конверт и увидел там билет на самолёт и деньги. Много денег... “Видно, всё-таки у тестя проснулась совесть”, — криво улыбнувшись, подумал Семён.

— Ну, что ж... Сейчас в ближайшую гостиницу, привести себя в порядок, потом надо будет срочно звонить хозяину, — как всегда спрограммировал Семён. Уже через несколько минут он был в гостиничном номере, минутой позже был под душем. В одном из пакетов он нашёл одежду на все случаи жизни, во втором, вероятно, сама теща приготовила все нужное в дорогу, включая провизию, как минимум, на неделю.

Семён подошел к зеркалу, из которого на него смотрел молодой, красивый, подтянутый, прекрасно подстриженный, уверенный в себе сероглазый шатен, в белоснежной сорочке, в модном галстуке, без малейшего намека на вчерашние неприятности.

Да, он был готов идти дальше к своему Олимпу. Уже безо всякого трепета Семён твёрдой рукой набрал номер и, услышав ответ Сергея Ивановича, приветливо, но с достоинством произнёс: “Доброе утро! Я тут увидел ваш номер на телефоне, похоже, что я не услышал звонка, у нас что-то изменилось?” Семён, разговаривая, продолжал наблюдать за собой в зеркале. Явно этот парень пойдёт далеко, одобрительно подумал он о себе.

— Да, — после некоторого молчания ответил хозяин, — инвестор может задержаться на день или даже на два, но вам придётся не уезжать из города, если это ваше твёрдое решение. Я могу связываться с вами по этому номеру?

— Да, я буду на связи в любое время, — твёрдо ответил Семен.

Что ж, надо сделать несколько звонков и ждать. Он опять поднял глаза на зеркало и был потрясён: на него смотрел растерянный человек, которого он не знал.

— Ничего, хороший обед, час-другой полноценного сна. Ожидание подписания договора — это ведь приятное ожидание, — ободряюще улыбнулся он своему растерянному отражению. Да и два-три звонка родственникам — на этом его жизненном этапе не самое страшное. Не впервой ему, как, впрочем, каждому взрослому человеку, приходится врать... для дела. Семён заказал сытный обед в номер, после недолгого размышления решил вина не заказывать — он должен быть свеж, опрятен, собран.

Семён проснулся, улыбаясь. Это его приятно удивило, но в следующую секунду он почувствовал, что лицо его было мокрым от слёз.

Он вспомнил, что ему приснился яркий-яркий солнечный и такой цветной сон, какими бывают сны только в детстве. Трудно сказать, он сам летел, как птица, или он сидел в самолёте. Его стала нагонять голубая птица с сияющими, как солнечный ореол, крыльями. Было не только не страшно, но напротив — весело. Птица, как птица Сирин, была с человеческим лицом. Семён уже и сам парил и, оглянувшись, узнал... маму. Сердце его стало таким детским, таким добрым, таким доверчивым, таким счастливым. Он поймал поток, в котором парила мама-птица, и они полетели вместе. Лицо мамы было юным, таким, каким он его помнил, когда она склонялась над его колыбелью.

— Сыночек, кровиночка моя, ты ничего не бойся, я тебя люблю и буду любить всегда, я буду любить тебя вечно. Ты запутался, но ты справишься, я знаю, я верю в тебя. Знай ещё, что я и папа, мы оба, запомни, мой родной, мы тебе заранее прощаем все твои ошибки, ты только не разучись летать, слышишь, сыночек мой? — Она прижала его к груди, и он почувствовал единственный и неповторимый запах мамы, его мамы. Потом она воспарила вверх высоко-высоко, а оттуда к нему, сияя и кружась, опускалось мамино разноцветное перышко. Птенец Семён на лету поймал драгоценный мамин подарок — сияющее перышко.

Сын почувствовал нежное щекотание у мокрой щеки. На подушке лежало маленькое разноцветное перо.

“Ну, вот и простое объяснение этому сну: откуда-то занесло в номер птичье перо”, — подумал Семён. Он взял перышко и хотел выбросить его в окно, но потом зачем-то понохал и... вложил меж страницек записной книжки. Сердце защемило, как от дурного предчувствия.

— Всё, хватит раскисливаться! Пора сжаться в кулак и довершить последний удар по неприятелю.

В следующую секунду он подумал, что разговоры с тёткой его только ослабят, а он должен быть крепок, как кремь, поэтому он и жене, и тёте Гале отправит СМСки.

Не задумываясь, он написал тётке: “У меня большие неприятности на работе, как справлюсь, в течение полутора-двух дней прилечу. Деньги на все похоронные траты высылаю срочным переводом, завтра уже сможешь получить их. Денег не жалею, сделай всё по первому классу, плати всем мужикам, не скупясь, чтобы всё делалось быстро и добротнo. Пусть водкой хоть зальются, но отдавай её потом, по исполнению дел. Купи и оплати доставку самого дорогого гроба, плати всем отдельно за помощь, чтобы был стимул делать всё отлично, найми баб помоложе, чтобы хорошо был состряпан поминальный обед, а лучше бы, чтобы ты заказала его в райцентре в ресторане с доставкой на дом. Возьми в помощь себе мать Лизы”. Поставив точку, Семён удивился, почему его рука словно сама написала “мать Лизы”. Он хотел было отправить СМСку, но решил дописать: “Матери из райцентра вызови хорошего врача, чтобы быстрее поставил её на ноги. Повторяю: денег не жалею ни на похороны, ни на врачей. Твой племян”.

Сил на беседу с женой у него не было. Ему казалось, что она сразу чувствует, что вчера он ей изменил, ведь она его всё-таки любит. Сил на разбор вчерашних его “залётов” у него тоже не было. Ему надо было всё человеческое, всё, делающее его слабее и уязвимее, отодвинуть на задний план. На войне, как на войне.

СМСка — это чудная вещь! Он коротко, но ясно дал понять жене: “У меня сейчас, как ты понимаешь, очень трудный момент жизни, верю, что ты справишься без меня несколько дней, а если будешь хандрить, поезжай к родителям. Целую, Семён”.

Очень вовремя анике-воину подали сытный ужин, и он решил впасть в спячку. Обычно, когда в нём просыпался романтический, чувствительный, нервный и уязвимый Сенька-Везенька, он либо удушал себя работой, либо пил снотворное, чтобы заспать мерихлюндию.

После ужина, который он с огромным аппетитом съел, он так и сделал: выпил снотворное и почти мгновенно заснул.

Проснулся Семён от того, что его телефон требовал зарядки. Видимо, аккумулятор надо менять, ещё рано ему подзаряжаться. Телефон продолжал

нить, пока он нашёл зарядное устройство. Беглец решил все-таки посмотреть, не было ли звонков или сообщений, и оторопел: прошло два дня. Звонков никаких не было, облегченно вздохнул Семён, но на всякий случай он решил проверить и сообщения.

— Ну, ты и поспать... — подмигнул своему отражению засоня. После чаепития он увидел, что сообщения всё-таки были. Первое было от жены. Она старалась его поддержать, просила не беспокоиться, сообщала, что чувствует себя прекрасно. Второе было от тётки Гали, которая сообщила: “Деньгищи твои получила, мамке твоей врача приглашаю ежедневно, но лучше ей пока не становится, врачи из райцентра и из “скорой” денег за визиты не берут, говорят, что они, чай, не в америках живут, чтобы деньги брать у своих. Хотят увезти мамку в больницу, но она ни в какую... А мужики наши и без денег делают всё чин-чинарём. Гроб уже привезли. Домовина, как ты и хотел, что тебе хоромы. Бывай здоров, тётка Галя”. Третье сообщение было с незнакомого телефона. У Семёна почему-то засосало под ложечкой. Чтобы окончательно проснуться, подпольщик решил выпить крепкого чаю, а потом уж... прочитать, может, какая шальная чужая весточка залетела. Кстати, а может, и не кстати, была позавчера отправлена.

Семён взял телефон, но, когда он прочёл сообщение, руки его задрожали, а в глазах потемнело: “Сёма, прости, мне так трудно это писать тебе, но ты должен собраться и принять эту весточку. Как страшно, что это приходится делать мне. Тётя Лида умерла час назад. Она всё просила тебя не тревожить и не пугать понапрасну. Всё твердила, как же мой мальчик переживёт это всё, он ведь такой чувствительный. Но я считаю, что ты должен был быть здесь уже давно. Лиза”.

— Ничего не понимаю, что за бред? Откуда там взялась Лиза? Это, наверное, чья-то дурная шутка. Это, может быть, тесть придумал, как добить меня? Может быть, он пронюхал про сделку? Надо лететь, иначе можно свихнуться...

Семён вызвал такси, проверил документы, собрал вещи и уже на ходу позвонил в справочную аэропорта, чтобы узнать, будут ли сегодня рейсы в Томск. В справочном ответили, что будет только завтра утренний рейс. Но Семён всё-таки решил ехать в аэропорт, чтобы попытаться любыми путями добраться до дома.

В аэропорту Семён ещё раз убедился в том, что кроме завтрашнего утреннего рейса, ему не на что рассчитывать. В лучшем случае, он сможет добраться до дома к вечеру завтрашнего дня. Люди, снующие вокруг, раздражали его, ему хотелось оказаться на необитаемом острове, чтобы не видеть никого. Но надо было попробовать сдать билет, купленный тестем, и взять билет на утренний рейс. Мозг его прекратил думать, слова не складывались в понятия, в мысли, и это, оказывается, было очень неприятно, видимо, так сходит с ума те, кого укладывали в ванну Лилли.

Он сделал над собой усилие и, купив билет, подъехал к гостинице, чтобы остаться одному. Пить снотворное Семён побоялся и установил будильник в телефоне.

Из-за непогоды в Томске вылет откладывался каждый час. Вылетели поздним вечером. В полёте Семён то ли отключился, то ли уснул. Какой-то парень растормошил его после посадки. Семён долго метался между машинами, но никто ни за какие деньги не хотел везти его по бездорожью. Наконец, невзрачный мужичонка согласился довезти Семёна, так как должен был всё равно ехать мимо. Впереди был мучительно долгий путь в старых дребезжащих “жигулях” до Светлых Ключей. Спасибо хоть этому мужичишке, который сжалился над Семёном, но, правда, потребовал оплату втридорога.

— А то, может, ещё развалится моя кормилица, — всё-таки стесняясь, оправдывался благодетель.

Мотор через пару часов начал перегреваться, и Семёну не один раз пришлось с ведром и канистрой бегать за водой. Уже на объездной дороге, с которой стали видны Светлые Ключи, Семён увидел на кладбище людей, но поближе, на подъезде, он понял, что народ уже потихоньку потянулся к селу. Когда несчастная колымага добралась до кладбищенских ворот, кро-

ме нескольких человек, у двух могильных холмиков не было уже никого. Плачущую тётю Галю успокаивала какая-то молодая женщина, рядом с ребёнком на руках стоял незнакомый мужчина. Два мужика старательно утрамбовывали могильные холмики...

Небеса разверзлись, и весь космический холод одиночества пролился на несчастную голову Семёна. Так, наверное, должен чувствовать себя ребёнок, потерявшийся в чужом, незнакомом городе, нет, даже не в городе, а на доске в бушующем океане. Он почти без сознания упал на одну из могил.

— Мама, — задыхаясь, просипел он, — как ты могла бросить меня среди этого страшного мира, я ведь теперь никому-никому не нужен. Все от меня чего-то хотят, но никому из них нет дела до меня. Никому! Никому! — Глаза Семёна были воспалены, но сухи, ни единой слезинки не скатилось по его бледным щекам. Чья-то мягкая рука погладила его по голове, чей-то знакомый, но давно забытый голос стал его уговаривать:

— Так не бывает. Это горе в тебе говорит, всякий человек кому-нибудь да нужен...

Потом он уже и не понимал слов, но от тёплого и искреннего сострадания этого голоса стихил, успокоился и поднял глаза на свою жалельщицу.

— Лиза, — с трудом выдавил он, — ты-то как оказалась здесь?

— Я здесь бываю каждый год, — поглаживая его, как маленького, по бледным щекам, по голове тихо ответила она.

Вдруг Семён оттолкнул руку Лизы, подбежал к мужикам, которые всем своим видом показывали, что они своё дело доделали до конца и ждут “благодарности за старание”. Лиза положила каждому в карман ожидаемую награду, а Семён схватил лопату и стал раскапывать могилу.

— Батюшки, свят, свят, сынок, ты чего это? — бросилась к племяннику тётка. — Грех-то какой!

— Я должен с ними проститься и всё им сказать прямо в лицо, — повернул к мужикам мертвенно-бледное лицо Семён. — Ну-ка, берите лопаты откапывайте, быстренько!

Мужчина, державший на руках девочку, передал её Лизе и сказал:

— Отвлеки ребёнка, видишь, у него истерика.

Оторопевшие мужики стояли, втянув головы в плечи, и с ужасом смотрели на Семёна, начавшего раскапывать могилу. Отец девочки отнял у гробователя лопату, потрянул его за плечи, влепил звонкую пощечину, которая заставила, наконец, несчастного опомниться. Он словно проснулся, огляделся и послушно пошёл влед за тёткой.

Так и привела его тётя Галя за руку в родительский дом. Соседка-фельдшерша сделала ему успокаивающий укол. Соседи понимающе разговаривали вполголоса. Все уже знали, что произошло на кладбище, и жалели сироту, но и осуждали его за то, что ни разу и сам не приехал к родителям, и на свадьбу не пригласил их. Да и за любимицу всего села Лизу помыли ему косточки. Но, глядя на его мертвенно-бледное лицо, поприкусили языки и, поминая добрым словом покойных, старались не задевать Семёна. Даже осадил соседа Петра, который сказал: “Кабы не Лиза с дочкой и мужем, так и совсем было бы худо старикам...”

Но бабы зашикали и, схватив за руки, посадили его на скамью.

Семён видел и слышал всё, как из-под толщи воды. Слышал, но ничего не понимал.

Он встал и пошёл по дому, пошатываясь, как пьяный. Семён увидел, что дом, казавшийся ему некогда огромным, осел, он стал таким стареньким и обветшавшим, что надежда родителей помочь ему, продав за триста тысяч, была неисполнимой мечтой. Семён подошёл к комоду, на котором было несколько рамок с его фотографиями и несколько фотографий Лизы с её дочкой. Семён взял одну из фотографий и прочитал: “Дорогому дедушке и бабушке от их внучки Светочки”.

— Что за бред, какая внучка Светочка? — удивился Семён. Но в это мгновение словно свет включился в его одурманенном мозгу.

Мир, в котором он жил сейчас, который он считал делом собственных рук, смекалки, ума, находчивости, не имел никакого отношения к реально-

сти, в которой жили его самые дорогие люди — родители, родня, его соседи. И, как оказывается, его дочь, рождённая любимой женщиной... И всё это стало для него чужим, пустым местом...

Это похоже на страшный сон, и как бы хотелось ему сейчас проснуться. Самое страшное, что он понял: за его предательство этот мир вырезал его из себя, что ему один путь — туда, назад, к чужим людям, которые научили его играть по своим правилам. А он уже по-другому, видимо, и не сможет.

Снотворное сделало своё дело, и Семён, упав лицом вниз на кровать, уснул.

Проснулся Семён от того, что словно мама ему шепнула: “Пора, сынок”. Он глянул на часы с кукушкой (надо же, ещё идут!) и оглядел комнату. Рядом на кушетке спала такая худенькая и крохотная его тётя. Совсем старушка... Она, похоже, почувствовала его взгляд и тут же села. Семён подошёл к ней и встал перед ней на колени. Она взяла в свои сухонькие руки его голову и поцеловала, как в детстве, в темечко. Семён взял её маленькие руки — с выпуклыми венами, с выкрученными суставчиками — и стал целовать.

— Ну, что ты, сынок, — по-детски спрятала она выработанные шершавые мозолистые руки. — Ты чего так рано вскочил?

— Мне надо проститься с родителями, — пряча глаза, сказал он, — и надо как-то с жизнью своей разбираться. Ты меня прости, няня. — Как это получилось, что он вспомнил, что в детстве он младшую сестру отца звал няней?

— Вспомнил, дорогой ты мой, — всхлинула старушка. — Ну, ничо, ничо, жизнь ещё долгая у тебя, всё не поздно поправить, ну, конечно, не всё, но многое можно. Ты один хочешь к ним сходить?

Семён кивнул головой и спросил, на чём можно будет уехать утром в район. Он сразу решил взять вещи с собой, когда узнал, что только один раз в семь утра идёт автобус мимо Светлых Ключей.

— Ой, погоди, я тебе фасоль принесу, — вскочила тётка Галя.

— Какая фасоль, зачем мне она нужна?

Но няня уже принесла большой пакет.

— Вот, этим летом такой был урожай, а мама твоя собирала, сушила, шелушила да приговаривала, мол, Сенечка так-то супчик фасолевый любил, Бог даст, приедет или отправим как-то уж им, пусть сношка иной раз его побалуует.

Семён, не прекословя, взял пакет и, поцеловав тётку, обойдя весь дом, поклонился и пошёл в сторону кладбища. Ему показалось, что какая-то тень мелькнула за забором, но когда он заходил уже в кладбищенские ворота, понял, что это Лиза. Она увидела, что он её заметил, повернулась и быстро ушла.

Долго молча стоял Семён у двух холмиков. Потом встал на колени, поцеловал землю, где, вопреки его вероломству, они всё-таки остались навсегда вместе. Едва не опоздав, он добежал и почти на ходу вскочил в старенький автобус. Он забросил вещи и пакет на полку и не глазами, а всем сердцем, всей душой обнимал уголок земли, где он родился на этот свет. На повороте автобус тряхнуло, и пакет с полки упал. По всему автобусу рассыпалась фасоль. Семён встал на колени и начал собирать фасолинки.

Он собирал, сдувая с них пыль, сор, и плакал, вначале тихо, потом, всхлипывая, а потом, пугая всех, громко, навзрыд, причитая: “Прости меня, мамочка, прости меня, родненькая”.

Вначале девочка, потом женщины стали собирать фасоль в откуда-то появившиеся пакетики, недоуменно поглядывая на странного городского. Видать, что городской, модный. Не проспавшийся после вчерашнего мужчина на заднем сиденье не выдержал и посоветовал: “Да смести надо эту фасоль, да и выбросить, а в районе купи в магазине хоть куль. Ты чо, мужик, грязь собираешь? На кой она тебе?”

Чуткие сердца женщины цыкнули: “Не трогай человека, не видишь, горе, видать, у него”.

Когда у вокзала остановился автобус, малыш лет пяти догнал Семена и протянул ему на ладошке две фасолинки: “На, дядя, не плачь, мы с сестрёнкой проверили — всё-всё-всё собрали”.